

Ф. Я. ПРИЙМА

«Слово о полку Игореве» в творчестве С. Н. Глинки

Среди литературных деятелей начала XIX в., с восхищенным вниманием следивших за тем, как изданное в 1800 г. «Слово о полку Игореве» вновь возвращалось в русло литературного движения, никогда еще не называлось исследователями имя Сергея Николаевича Глинки (1775—1847). А между тем он принадлежал к числу самых неусыпных ревнителей и пропагандистов древней поэмы об Игоревом походе.

Будучи видным для своего времени драматургом, автором драм «Наталья, боярская дочь» (1806) и «Антонио Гамба, спутник Суворова» (1807) и трагедии «Михаил, князь Черниговский» (1808) (впоследствии им была написана также драма «Минин» в 1809 г. и трагедия «Сумбека или Падение Казанского царства» в 1817 г.), С. Н. Глинка предпринял первую у нас попытку сценического воплощения образа Бояна, «русского песнопевца древних времен». Постановкой написанного С. Н. Глинкой театрального представления «Боян» начал свою деятельность в апреле 1808 г. в Москве вновь открытый Петровский театр. Помимо Бояна, роль которого исполнялась П. А. Плавильщиковым, в представлении принимали участие также следующие действующие лица: Гений России (Баранчеева), Мельпомена (Короневичева), Талия (Воробьева), Евтерпа (Сандунова), Зефир, Венера, Аполлон, древнегреческие «баснословные божества» и представляющий народное мншние Хор. Музыкальная часть представления была оформлена композитором Д. Н. Кашиным.¹

При звуках торжественной музыки Гений России поднимал жезл, раздвигался занавес и перед взорами зрителей открывалась картина леса и возвышающегося над ним Олимпа, на котором вместе с древнегреческими «божествами» восседал Боян.

Гремел Боян златою лирой,
Гремел сей древних дней певец:
Славян, одеянных порфирой,
Пел блеск и щастие сердец.
Пусть здесь так Россов воспевае
Дней древних соловей Боян:
Пусть в песнях он соединяет
Величье Россов и Славян.

(Стр 5).

В то время как хор исполнял это вступление, Боян сходил с Олимпа с златой лирой в руках и обращался к Родине, олицетворяемой Гением России, со словами сыновней преданности:

¹ См.: Боян, русский песнопевец древних времен: пролог с хорами и балетами, сочиненный Сергеем Глинкою. 1808. (Далее ссылки на это издание даются в тексте).

Полночи певна мати! Російська країна,
 Котрою іскони отлична власть дана
 Душ крепостью и мышц одолевать все в мире,
 В какой блистательной я зрю тебя порфире!

Восставшие из гробов, Олеги, Святославы,
 Державе Греческой дававшие уставы,
 Владиміры, Донской, и вы, друзья Граждан,
 Пожарский, Минины! честь, слава Россиян,
 Боян вызывает к вам . . . по вы уж оживленны,
 Сердца и души к вам в сем храме устремленны. . .

(Стр. 6).

Сергей Глинка не задавался целью сообщить образу Бояна реальные исторические черты и поэтому без всякого смущения заставлял его интерпретировать политические события начала XIX в. Обращаясь к древнегреческим богам и героям, Боян призывал их подружиться с Россией, чтобы сбросить «постыдное бремя» турецкого гнета с «Эладских стран» и «стереть рога Луны».

Отвечая полным сочувствием на этот призыв, древнегреческие музы сходили с Олимпа и окружали древнерусского певца. «Переносясь во дни прошедшие», Мельпомена выражала свой восторг перед храбрыми российскими героями и их незабвенными женами, в особенности — перед Дмитрием Донским и супругой его Ксенией (так!); тут же Мельпомена призывала российских певцов воспеть отечественных героев и «блеск родной страны». Дидактизмом, адресованным русским писателям, была проникнута также речь музы комедии Талии. Ее credo сводилось к утверждению общественно-служебной роли искусства. Наряду с несправедливым, ложью и клеветой комедия призвана искоренять также преклонение перед «иноплеменными модами»:

Чтоб модницы, Москву считаючи Парижем,
 А комнаты, где спят, альковом, или нишем,
 Родную сторону любили без затей;
 Чтоб о неправдах мы не слышали судей;
 Чтоб русская любовь отставила Амура,
 Чтоб здравствуй нравилось нам более бонжура,
 Чтобы заморский бал хлеб-соль перевозмогла,
 Чтоб к модам не везли доходов из села. . .

(Стр. 10).

Вслед за сим Боян обращался к музе Евтерпе, приглашая ее возвысить голос «в честь бога Световида» и «великого Новгородца»:

Воспой! и древность ты священну пробуди,
 С Бояновой душой в протекши дни преиди.

(Стр. 11).

Евтерпа и хор, чередуясь друг с другом, «вещали славу Славян», пели «древнюю песнь Солнцу», славили древний Новгород и священный Волхов. В своем пространном заключительном монологе Боян восхищался деяниями Ермака, Минина и Пожарского, Петра I, Суворова, находил в послепетровской России достойную преемницу славы древних славян и вручал свою лиру вновь пришедшему поколению «российских певцов».

При всем преклонении перед знаменитой поэмой об Игоре в походе С. Н. Глинке не удалось, как об этом свидетельствуют даже немногие приведенные выше цитаты, преодолеть инерцию литературного стиля начала XIX в. и передать слушателям и зрителям художественное и стилистиче-

ское своеобразие древнего памятника. Впрочем, названным недостатком характеризовалась также поэма «Владимир возрожденный» (1797) М. М. Хераскова, «Пантеон российских авторов» (1801) Н. М. Карамзина, роман «Всеволод и Велеслава» (1807) Н. Н. Муравьева, «Певец в стане русских воинов» (1812) В. А. Жуковского и все другие произведения конца XVIII и начала XIX столетия, ставившие перед собой задачу целостного или частичного воссоздания национальной старины в духе «Слова о полку Игореве». Прежде чем русская общественность приближалась к историческому пониманию языка, образности, поэтики и художественного своеобразия древней поэмы, потребовались в этом направлении длительные усилия коллективной научной мысли. Вместе с тем несомненным достижением Сергея Глинки являлось уже то, что он уловил ораторский пафос «Слова о полку Игореве», его патриотическую направленность, его лирическую напряженность. Прославляя в своем сценическом представлении великий Новгород, С. Глинка безусловно сближался с тираноборческими традициями русской литературы своего времени, и наличие в глинковском «Бояне» двух-трех официальных реверансов в сторону «вождя россов» Александра I вряд ли следует придавать серьезное значение. Появление «Бояна» на сцене совпало с моментом, когда С. Н. Глинка начинал издание журнала «Русский вестник» (1808—1820 и 1824 гг.). К этому времени русской общественности были уже достаточно ясны наполеоновские планы порабощения России, и поэтому в государственной системе Александра I, вслед за многими другими писателями, С. Н. Глинка видел едва ли не единственный залог политического могущества России. Заметим кстати, что царистские иллюзии были свойственны в это же время и Ф. Н. Глинке, общественные взгляды которого неуклонно эволюционировали в сторону идеологии преддекабризма.

Характеристика политического облика С. Н. Глинки как реакционера и монархиста, принятая в нашей учебной и справочной литературе, по-видимому, нуждается в существенных поправках. Не следует забывать, что в молодые годы писатель находился под сильным воздействием идей А. Н. Радищева. Во второй половине 1830-х годов, вспоминая события сорокалетней давности, Сергей Глинка писал: «Все тогдашнее мое сокровище состояло в „Вадиме“ Княжнина, в „Путешествии из Петербурга в Москву“, наделавшем тогда много шума, а теперь уснувшим сном непробудным, и в „Чувствительном путешествии“ Стерна, в котором сердце и мысль всегда что-нибудь отыщут».²

Своеобразный демократизм и политическая независимость были характерны для С. Н. Глинки отчасти и в период, последовавший за разгромом восстания декабристов. Назначенный в 1827 г. московским цензором, он был отстранен от этой должности через три года за систематическое неповиновение властям предрежущим, распустившим слух о нем, как об «агенте каких-то тайных обществ».³ У нас, наконец, нет никаких оснований считать случайным следующее мнение редакции некрасовского «Современника»: «Первый ратник московского ополчения 1812 года, Глинка был настоящий, искренний патриот, но вместе с тем и самостоятельный характер. Правда была для него главным указателем его действий, и он смело высказывал ее высоко поставленным людям, несколько не стесняясь; это бывало очень часто крайне простодушно, но это простодушие не уменьшает достоинства его ревности: защита правды обходилась ему не дешево, подвергала его чувствительным для него гонениям и житей-

² Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895, стр. 132.

³ Там же, стр. 358.

ским неудобствам, и готовность выдержать эти неудобства ради своего убеждения придает его личности действительную нравственную привлекательность».⁴

Об интересе С. Н. Глинки к «Слову о полку Игореве» свидетельствует не только театральное представление «Боян», но и другие его сочинения. Так, в примечании к стихотворению «Одиночество» Мих. Яблочкина Глинка высказывал пожелание автору, «чтобы он чаще посещал „Волка“ (Русский Парнас) и, внимая там песнопевцу Бояну, передавал бы нам звуки его лиры».⁵ В статье «Древние русские книги и предания» С. Н. Глинка попытался прокомментировать «припевку Бояна» («Ни хитру, ни горазду, ни птицу горазду суда божия не минути»)⁶ В статье «Несколько слов о народных комедиях» С. Н. Глинка цитирует поэму об Игоре-вом походе («свивая ... оба полы сего времени»)⁷ Упоминалось и цитировалось «Слово о полку Игореве» также и в «Русском чтении» С. Н. Глинки.⁸

В первой четверти XIX в. большая роль в художественном, а отчасти и в научном освоении древней поэмы об Игоре-вом походе принадлежала руководимому Сергеем Глинкой «Русскому вестнику». Полный перечень опубликованных в этом журнале материалов, в той или иной мере перекликающихся со «Словом о полку Игореве», был бы обременителен для читателя, и поэтому мы ограничимся здесь указанием на соответствующие материалы лишь одного, 1808 года, первого года существования «Русского вестника». В 1808 г. здесь была опубликована насыщенная образами и мотивами «Слова» «Повесть о Мстиславе Первом Володимировиче, славном князе русском» П. Львова (ч. IV, № 11), два стихотворения («Гавриилу Романовичу Державину» и «В похвалу гражданских добродетелей») некоего К. З. (ч. II, № 4 и № 5) и отрывок из поэмы «Дмитрий Донской» А. А. Палицына (ч. III, № 8), в которых присутствует образ Бояна. Близки по своим мотивам к поэме об Игоре-вом походе были, кроме того, и анонимное стихотворение «Песнь славяно-россиянок сынам отечества» (ч. I, № 1) и стихотворение Ф. Иванова «Рогнеда на могиле Ярополковой» (ч. III, № 9).

Такое же обилие «переключек» со «Словом о полку Игореве» найдем мы и в комплектах «Русского вестника» за последующие годы. Из этого обилия заслуживают быть выделенными по значительности своего содержания две статьи Ф. Н. Глинки: 1) «Известие о книге „Петр Великий“ кн. С. Шихматова» и 2) «Замечания о языке славянском и о русском или светском наречии».⁹ В «Известии о книге „Петр Великий“» была дана попытка установить черты типологической общности между «Словом о полку Игореве» и поэтическим творчеством М. В. Ломоносова. Незаурядные достоинства второй статьи бесспорны: задолго до соответствующих работ А. Х. Востокова Ф. Н. Глинка, опираясь, правда, более на собственную интуицию, чем на научные познания, попытался обосновать в ней наличие в древней Руси двух языков: церковнославянского и старо-русского.

⁴ Современник, 1865, т. 110, № 9, стр. 217.

⁵ Русский вестник, 1809, ч. V, № 1, стр. 167.

⁶ Там же, стр. 177.

⁷ Пантеон русского и всех европейских театров, 1841, ч. III, № 8, стр. 98.

⁸ Русское чтение, 1845, ч. II, стр. 277.

⁹ Русский вестник, 1810, ч. X, № 5, стр. 85—141; 1811, ч. XV, № 7, стр. 52—92.

Автор второй из этих статей, принадлежность которой перу Ф. Н. Глинки является общепризнанной, неоднократно ссылается на «Известие о книге „Петр Великий“», как на статью, также им написанную. Подобные ссылки автопризнания («я написал», «я прибавил», «я никак не предполагал», стр. 53—54) освобождают нас в данном случае от необходимости излагать развернутую аргументацию авторства.

Образцы первого Ф. Н. Глинка находил в книгах религиозного культа, образцы второго — преимущественно в «Слове о полку Игореве». В названных статьях Ф. Н. Глинка обнаружил редкостное для того времени умение проникнуть в стилистическую природу самого древнего памятника русского художественного слова.

Вопрос об отношении Ф. Н. Глинка к «Слову о полку Игореве» уже ставился в нашей научной литературе, однако к рассмотрению привлекались только два сочинения писателя: «Дневные записки русского офицера» (1815) и повесть «Зиновий Богдан Хмельницкий» (1819).¹⁰ Для обстоятельного исследования этого вопроса потребовалось бы учесть не только названные выше две статьи Ф. Н. Глинка, но также его «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции»,¹¹ статью «О природной способности русских к приятным искусствам»,¹² его поэтические произведения (стихотворение «Сетования русской девы» и др.).

Несмотря на то, что восприятие «Игоревой песни» Ф. Н. Глинкой отзывалось порой свойственной началу XIX в. наивной чувствительностью и дилетантизмом, тенденция к трезвой объективно-исторической оценке памятника обозначалась у него, может быть, ярче, чем у других современных ему писателей. Тема «Ф. Н. Глинка и „Слово о полку Игореве“» заслуживает специального серьезного рассмотрения, которое не входит в задачу настоящей статьи. Мы коснулись этой темы лишь с тем, чтобы показать, как широко и разносторонне отражалась она в журнале «Русский вестник». В первой четверти XIX в. обращение писателей и критиков к древней поэме об Игорево походе предопределялось отчасти литературными настроениями и вкусами эпохи. Однако ни «Вестник Европы», ни «С.-Петербургский вестник», ни «Дух журналов», ни другие периодические издания того времени не проявляли такого неослабевающего интереса к «Слову», как «Русский вестник». И важнейшим возбудителем этого интереса являлся, надо полагать, сам редактор журнала.

В литературном творчестве С. Н. Глинка поэма об Игорево походе была постоянной вдохновляющей силой, высшим образцом патриотического пафоса и художественного совершенства. Поэтические достоинства «Слова» Сергей Глинка пытался сообщить и собственным произведениям, хотя скромные размеры его дарования и не позволили ему добиться в этом отношении крупных успехов. Неизмеримо более значительными были достижения редактора «Русского вестника» в популяризации «Слова о полку Игореве». Как писатель, журналист и критик, ратовавший за самобытное искусство, Сергей Глинка умел внушать своим многочисленным читателям уважение к «Слову», к лучшим традициям древнерусской письменности в целом, и это составляет одну из важных заслуг писателя перед историей русской литературы.

¹⁰ См.: С. Ф. Елеонский. Поэтические образы «Слова о полку Игореве». — Сб. «Слово о полку Игореве», под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой, М., 1947, стр. 115—116.

¹¹ Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера. М., 1815, ч. III, глава «Несколько слов о садах».

¹² Русский вестник, 1815, ч. XXX, кн. 3, стр. 53—54.